

Всепрощение

Яшви Садхир

Когда Яшви вернулась обратно в гэр, Сонгцэн все же спал, и она с облегчением выдохнула, радуясь тому, что ей не нужно будет ничего говорить, по-крайней мере именно сейчас. У нее не было подходящих слов. По спине все еще иногда пробегала дрожь отвращения. Чалуун уже заглядывал - ссадины на плече уже не было. Наверняка поработал и с ребрами. Теперь, когда лекарь стал намного увереннее во врачевании, жизнь лис стала немного проще. Впрочем, в другом она стала не в пример сложнее.

Алахчит казалась растерянной. Ее не прельщала сомнительная необходимость выходить замуж за шакала, на чем настаивал Джагатай хаан. Этим бы попрались все традиции лис. Никто не мог заставить жениться или выходить замуж не по любви. Даже во имя клана. Даже во имя мира. Лиса сама выбирает себе партнера, с которым проведет всю жизнь. Но Алахчит приходилось смирять свою гордость. Она понимала, что шакалы намного сильнее. Они почти уничтожили клан в прошлый раз, и сделают это снова, если им так вздумается. Яшви не знала, что посоветовать подруге, духи молчали, а сама Яшви выглядела не менее растерянной, чем Алахчит.

Ночью она почти не спала - все время снился шакал, и Яшви вздрагивая, просыпалась в холодном поту. Во сне входная дверь не отскакивала от стены, распахнутая резким движением, и Сонгцэн не появлялся. Под утро, устав от не приносящего облегчения сна, Яшви оделась и вышла из гэра, пошла бездумно, надеясь немного проветриться. Ноги принесли ее к озеру, совсем как тогда, в монастыре. Недолго думая и не обращая внимания на холод, коснувшийся ее тела, Яшви бросила одежду на берегу и в одной рубашке вступила в холодную воду.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн почти не просыпался до утра, а под утро почувствовал, что может нормально дышать, хотя слабость ещё давала о себе знать. Лисы только начали просыпаться, а Сонгцэн отправился к озеру, чтобы восстановить силы рядом с одной из близких ему стихий. Той, что в итоге позволила победить шакала.

Было холодно. Ветер гнал по воде мелкую рябь, и Сонгцэн подошёл ближе к берегу. Только сейчас он увидел чуть поодаль зашедшую в воду Яшви, которую узнал почти сразу. Он подошёл ближе к ней, но пока остался на берегу. Она не была магом огня, озеро должно было казаться ей ледяным.

- Яшви, - позвал Сонгцэн девушку и стал смотреть за ней, не отрывая взгляд.

Он не знал, зачем она полезла в воду. Хотел надеяться что просто для того, чтобы пообщаться со стихией, которая несомненно была ей близка. Вчерашний день был сложным для Яшви, а они с тех пор так и не поговорили. И девушка накануне будто специально сбегала от этого разговора.

Яшви Садхир

Дыхание перехватывало от холода, тело немело, Яшви почти сразу перестала чувствовать ноги, а рубашка намокла и неприятно липла к телу. Дно было илистым, неприятным, словно она шла по чему-то мерзкому. Но Яшви все равно шла. Просто не знала, зачем. Для нее такие необдуманные поступки, граничащие с глупостью, были совершенно несвойственны, но она чувствовала, что ей это нужно. Наверное, она просто так хотела смыть с себя воспоминания вчерашнего дня или перебить их ощущением пронизывающего до костей холода.

Вода уже дошла до линии бедер, и желание вернуться становилось все сильнее. Яшви остановилась в тот момент, когда с берега ее окликнули. Она узнала голос Сонгцэна, но помедлила перед тем, как обернуться на него. Она надеялась, что этим утром у нее появятся необходимые слова, но они к ней так и не пришли. Она ничего не ответила, отвернулась обратно. Ощущение собственной порочности вынуждало ее отталкивать от себя принца. Умом понимала, что ничего в итоге так и не случилось, разве что на шее болел след от грубого укуса, который она прятала за воротником дэгэла и волосами, но шакал был прав. Она не сопротивлялась.

Яшви погрузила в озеро руки и зачерпнула горсть воды, дрожа от холода. Она, конечно, не планировала топиться, но будто за что-то наказывала себя, вынуждая терпеть этот холод. Правда, ощущение чистоты к ней так и не пришло.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн видел, что Яшви его слышала, но она ничего не ответила и осталась в ледяной воде. Он снял рубашку и разулся, затем зашёл в воду по колено и остановился. Озеро было ледяным. Стихия возвращала ему силы, но Яшви не была мастером магии Воды, чтобы чувствовать то же самое.

- Холодно, - сказал Сонгцэн. - Что ты делаешь?

Он боялся за Яшви. Она могла слушать своих духов, совершая поступки, которые были понятны не сразу, но сейчас было похоже, что она не в себе. Сонгцэн не хотел её спугнуть, он надеялся, что она ему доверяла. Хотя бы для того, чтобы согласилась с ним поговорить о том, что с ней происходило.

Он чувствовал себя намного лучше, чем накануне. Было непросто осознавать свою энергию, но Сонгцэн уже мог получать силы от воды и не мерзнуть, позволяя магии Огня его согревать. Но для Яшви было вредно стоять в ледяной воде, и вряд ли эти ощущения были для неё приятными.

Яшви Садхир

Яшви вполне отдавала себе отчет в том, что творит какую-то ерунду, и при этом продолжала ее творить, хотя замерзла уже до самых костей. Яшви многое в своей жизни приходилось делать через силу, она знала, как переступить через себя и просто сделать, не особо над этим задумываясь, а сейчас не могла заставить себя развернуться к принцу и выйти из воды. Она вдруг вспомнила, как в Риване боялись, что она отравит реку, и выпустила из рук воду, что удерживала там, не давая ей растечься и вылиться из сложенных ковшиком ладоней. Не было никакого мало-

мальски логического обоснования тому, что она продолжала стоять в воде. Некоторые прыгают с окна башни, а некоторые вот, торчат в ледяной воде. Была бы башня, Яшви, может, в воду и не полезла.

Она развернулась и медленно пошла обратно к берегу. У нее уже начинало сводить мышцы, поэтому шла Яшви неловко и даже нелепо, немного раскачиваясь из стороны в сторону, почти не чувствуя ног. Одно хорошо - илистого неприятного дна она тоже не ощущала. Она прошла мимо Сонгцэна, лишь коротко взглянув на него, и выбралась на влажную и холодную землю.

- Я чувствую себя нечистой, - наконец ответила она принцу. Вода не помогала это смыть. Если бы на ней была какая-то осязаемая грязь, то холодная вода с этим бы справилась. А как смыть то, что внутри, а не снаружи?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн видел, что Яшви замёрзла, и ей трудно идти. Но она все-таки вернулась на берег и заговорила. Он не знал, что правильно было говорить, он думал о том, что ей холодно и плохо. Сонгцэн подошёл к девушке, но пока не стал ее касаться.

- Я все ещё в его крови, - сказал Сонгцэн. - Мы не можем сделать вид, что его не существовало, но должны понять, что будет дальше, когда его нет. Ты замёрзла. Зажечь огонь?

Сонгцэна задевала мысль о том, что Яшви ему не доверяла достаточно, чтобы обсудить то, что творилось у нее на душе. Сейчас было не самое подходящее время для того чтобы выяснять отношения и отмалчиваться. Шакалы ответят, и ответят скоро. И Сонгцэн должен был поддержать клан Яшви. Они были одной семьей, и беды, выпадавшие на долю одного, были бедами другого. Сонгцэн же считал, что Яшви хотела спрятаться и решать все самостоятельно, не зная, что именно ей поможет.

Яшви Садхир

Яшви дрожала, по ногам словно прошлись острыми иголками, и все же даже эти ощущения были намного приятнее, чем ощущение надавливающих на плечи мужских рук, вынуждающих тебя упасть на колени. Эти руки уже клюют падальщики, а может, шакалы пожирают и своих мертвых сородичей тоже, и теперь молодые воины рвут на части того, кто еще вчера был их командиром.

Она не знала, что ей ответить принцу. Она бы, наверное, предпочла быть с ног до головы в крови, но смертельные поединки не были у Лис в ходу. Их было слишком мало, чтобы так бездарно растрачивать человеческую жизнь. Вместо этого провинившихся судили. Яшви понимала, что в случае с шакалами суд не поможет. С теми, кто уважает только силу, можно говорить только на их языке, иначе рискуешь быть не понятым. Не знала Яшви и то, как ей говорить с принцем о том, что случилось. Она лишь знала, что будет дальше. Этот хрупкий и шаткий мир скоро разобьется вдребезги.

- Не нужно, - она покачала головой. Яшви наклонилась, подобрала свою одежду и начала одеваться, хотя тело все еще было сырым после воды. Но было приятно

снова вернуться в дэгэл, пусть и успевший остыть за то время, что пролежал на земле. - Я вернусь в свой гэр и зажгу там очаг. Тебе лучше? Чалуун посмотрел свое плечо и ребра.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви стала одеваться, несмотря на то, что на ней была мокрая рубашка. Она снова бежала от разговора. И было глупо останавливать ее сейчас, когда она могла уйти в гэр и согреться у очага.

- Мне лучше. Позволишь пойти с тобой? - спросил Сонгцэн.

Он быстро обулся и накинул рубашку. Он бы провёл у озера куда больше времени, но сейчас Яшви беспокоила его куда больше, чем его собственное состояние, которое было вполне терпимым.

- Постой, - Сонгцэн подошёл к Яшви и задержал ладонь напротив ее груди. Влага из рубашки просочилась сквозь остальную одежду и собралась вольным клубком в его ладони. - Простынешь же, - пояснил он и посмотрел на девушку.

Сонгцэн понимал, что сейчас Яшви могли быть неприятны любые прикосновения. Вчера ее заставили переступить через собственную гордость, и она могла не чувствовать себя хозяйкой в собственном теле.

Яшви Садхир

Разговор между ними больше напоминал перебрасывание друг другу односложных и мало что на самом деле значащих фраз. Сонгцэн хотел с ней поговорить, Яшви примерно представляла, о чем именно, но сама не чувствовала в себе желания об этом говорить. Точнее, она не знала, как об этом говорить, разговоры никогда не были ее сильной стороной. Тем более о том, что было у нее внутри. Поэтому она бежала, как напуганная лисица, ища нору или угол, где можно спрятаться ото всех, но главное - от самой себя.

Яшви ответила не сразу. Она старалась убедить себя, что ее не тревожит присутствие принца, хотя она и ловила себя на мысли, что она боится его осуждения. Яшви могла не признаваться себе или ему вслух, но она сильно его любила, сильнее, чем могла это осознать, потому что это чувство все еще было для нее малознакомым и крайне непривычным. Можно было сколько угодно храбриться, что если ее что-то будет не устраивать в их отношениях, она просто уедет в Монголию, Яшви боялась, что он отвернется. И ей казалось, что он все еще рядом только потому, что не застал всей картины случившегося.

- Это и твой гэр, - неловко сказала она и уже собиралась идти дальше, но принц ее остановил, вытянув из одежды всю воду. Сразу стало намного теплее. - Спасибо. И за вчера...тоже.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Пойдём, дома теплее, - сказал Сонгцэн после того как чуть улыбнулся в ответ на благодарность Яшви.

Вчера он не мог поступить иначе. Было сложно победить в этой схватке, но иначе он не спас бы Яшви от шакала. И повезло, что он не приехал на стоянку позже, потому что не представлял, что было бы с Яшви, если бы все зашло дальше. Она была гордой лисой, и она долго искала эту лису с того дня, как он впервые встретил ее на рынке в Риване. Сейчас ей было бы слишком больно переступить через все эти победы и свою гордость из-за какого-то отморозка, который решил, что ему можно все.

- Так нельзя говорить, но я рад, что его убил, - сказал Сонгцэн. - Мне жаль, что он позволил себе к тебе лезть.

Нет ценности выше чем жизнь человека. Это вдалбливается при обучении любого воина клана. Что есть ситуации, когда ты обязан воевать и должен убивать, но эта мера вынужденная, она не должна приносить удовольствие. Сонгцэн считал, что усвоил этот урок, но сейчас усомнился, думая о смерти шакала.

Яшви Садхир

Поселок шакалов стоял прямо на берегу озера. В степи иначе нельзя - все стоянки можно было делать только неподалеку от воды, особенно в восточной их части, где температуры была выше летом, и от близости источника зависела жизнь. Было еще совсем рано, но в поселке уже был слышен привычный утренний шум, сопровождающий человеческое жилье - переговаривались соседи, где-то ревел ребенок, нервно и надрывно лаяли собаки. Стоянка лис была чуть в стороне от них, обособленно, и можно было легко понять, где заканчивается один клан лис и начинается другой - они стояли отдельными кучками, не смешиваясь между собой. Многие из лис уже проснулись, чтобы начать свои привычные дела. Здесь было тише. В воздухе все еще витало напряжение, которое не исчезнет еще много дней. Яшви поежилась.

Она подошла к гэру, снаружи обильно увешанному красными летами, которые развевались на ветру. Возле гэра на длинной жерди висел конский череп, но в остальном это был такой же гэр, как и другие, с шестью стенами, но сравнительно небольшой, потому что Яшви большую часть времени жила там одна. Она уступила свое место в родительском гэре Номинжин с младенцем, и сейчас не хотела туда возвращаться.

Она все еще дрожала, но не могла понять, от холода, или все же от того, что разговор, от которого она бежала, все-таки ее догнал.

- Он угрожал убить Алтана. Я не знала, что мне делать. Я не сопротивлялась.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви все-таки заговорила, и Сонгцэн это очень ценил. Ему казалось, ей станет легче, если обсудить вслух то, что случилось накануне. Что-то подобное Сонгцэн подозревал, когда напуганный мальчишка бросился под ноги его коню.

- Он не оставил тебе выбора, и ты думала о том, как спасти брата, - сказал Сонгцэн.

Этим поступком шакал показал, что его клан не считал лис союзниками или партнерами. Если бы Алтан провинился бы перед кем-то из старейшин Лис, вопрос решали бы с Их-Чэрэном, и никому бы в голову не пришло требовать платы от Яшви, ещё и таким образом.

- Ты ни в чем не виновата, - сказал Сонгцэн. - Алтан был напуган до полусмерти и переживал, что не мог тебе помочь и убежал.

Сонгцэн зашёл в гэр и подошёл к очагу, в котором зажег огонь. Шатёр был небольшим, и скоро в нем должно было стать тепло.

Яшви Садхир

Яшви протянула руки к огню, вспыхнувшему в очаге, грея озябшие пальцы в его пламени. Гэр остыл за ночь, хотя угли тлели до самого утра, но все еще стояли ночные морозы, не такие сильные, как в Алтае, но и этого хватало, чтобы тепло быстро уходило из шатров.

- Монгольские кочевники никогда не встают на колени, - горько сказала она. Слова давались ей непросто, тяжелее, чем всегда. О таком не принято говорить, сложно признаваться вслух и непросто оставить в прошлом.- Это унижение, которому многие предпочтут смерть. Выбор есть всегда.

Шакал был монголом. Пусть они уже давно не кочевали и вели оседлый наемничий образ жизни, они оставались монгольскими кочевниками в прошлом. Их жизнь обросла новыми шакальими привычками и особенностями, сделали их злее, жестче, кровожаднее, но многие традиции о сих пор оставались. шакал знал, как уничтожить ее гордость и добиться своего.

Яшви вспомнила о своем видении. Прежде чем перед ханом преклонят колени, чего кочевники никогда не делают, они утонут в крови. Все уже происходило здесь и сейчас. Это было только началом, зажженной спичкой, которая должна была разойтись огромным пожаром по всей степи. И она стала первой, кто бросил эту спичку в сухую степную траву.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Он предложил тебе выбрать между смертью брата и унижением для тебя, - сказал Сонгцэн. - Но разве можно себя унижить, спасая того, кто дорог? То, что он сделал, и то, что хотел сделать с тобой чудовищно и несправедливо, тебе из-за этого плохо и противно. Но ты не стала хуже, и твоей вины ни в чем нет.

Гордость, принципы и традиции хороши ровно до тех пор, пока они не становятся выше здравого смысла и жизнью людей. И он считал, что нельзя винить человека в том, что он совершил что-то немыслимое для себя под угрозой смерти близкого. Даже если его вынудили преступить закон или отнять жизнь, а не только встать на колени. Виновен тот, кто принудил. И шакал специально добивался того, чтобы Яшви почувствовала себя униженной. Если он этого добился, он в чем-то выиграл. А эта мысль была крайне неприятной.

- Почему лисы пытаются договориться а шакалами? Шакалы не ведут себя как

Яшви Садхир

- Я думала о твоих словах, что ты не простишь измену. Я боялась, что ты посчитаешь это предательством. Я не могла поступить по-другому, я должна была спасти Алтана.

Яшви сжала и разжала пальцы, разгоняя застывшую кровь. Нужно было греть воду, чтобы Сонгцэн мог смыть с себя засохшую со вчера кровь, ставить завтрак и горячий свежий чай, но Яшви казалось, что она сейчас отравит все, к чему прикоснется.

- Худой мир лучше доброй войны, - ответила Яшви. - Шакалов больше, чем всех лис, вместе взятых. Если мы сейчас отступим, они будут продолжать набеги до тех пор, пока лис не останется вообще. Будут убивать детей и забирать наших лошадей. Если между лисами и шакалами будет мир, будет время окрепнуть и вырастить детей. Мы все сейчас стоим на коленях, спасая тех, кто нам дорог.

Она вдруг ясно поняла смысл своего видения. И все это время она и остальные шаманы толковали его неправильно. Они считали, что появится кто-то, кого они примут на собой как Великого хана, который будет настолько силен, что они признают его силу и власть и переступят через гордость, опустившись перед ним на колени в знак уважения. Она подумала, что должна обсудить это с другими шаманами, поделиться с ними своими мыслями.

- Все не так, - сказала она с потрясением, поднимая взгляд на Сонгцэна. - Все это время мы толковали видение неправильно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Насилие не имеет ничего общего с изменой, - заметил Сонгцэн.

У него были довольно идеалистичные представления об отношениях, которые оправдывались лишь тем, что подобные требования он предъявлял, в первую очередь, к себе. Он был уверен, что воли человека достаточно, чтобы, выбрав одного партнера, не предпочитать ему других. И не потакать сиюминутным увлечениям и влюбленностям, предавая отношения, в которые готов вкладываться всю жизнь.

Но эту тему он не стал развивать вслух, заметив, что Яшви о чем-то задумалась. Он встретился с ней взглядом, когда она на него посмотрела, и сейчас выражение её лица изменилось. Она была удивлена или потрясена, что с тибетскими лисами случалось редко.

- То видение, в котором говорится о великом хане? - спросил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви не знала, как считать правильно. До этого она об этом даже не задумывалась, а прошлую попытку принудить ее к близости каким-то незнакомцем восприняла несколько иначе. Она не была замужем, не планировала выходить замуж и вообще

считала, что отношения обойдут ее стороной, потому как и сама в них не лезла. и была куда менее гордой, чем сейчас. Странно, но она только сейчас вспомнила о чем-то похожем и случившимся даже меньше года назад. И с одной стороны ей хотелось обелить себя, потому что чувство порочности и грязи было слишком сильным, а с другой, все лучше понимала, что для нее насилие и измена примерно равноценны по своей сути. И даже пытаюсь принять во внимание точку зрения Сонгцэна, Яшви не удавалось отделаться от мысли, что в произошедшем есть и ее вина тоже. Просто уже за то, что с ней это случилось. Она не представляла, как теперь разрешить себе прикоснуться к принцу.

- Да, - ей было намного проще говорить об этом, чем о том, что она чувствует и как себя ощущает. - Мы с самого начала думали, что придет Великий Хан и объединит всех Лис, и они преклонят перед ним колени. Но Лисы никогда не опускаются на колени. Я думаю, духи имели в виду совсем другое. Что придет кто-то, кто заставит Лис опуститься на колени, и это объединит их.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн задумался над словами Яшви. Она лучше, чем он, знала нравы и традиции кочевников. Но сейчас было похоже, что она правильно толковала то, что видели шаманы.

- Если так, то шакалы как раз могут стать поводом для вас, чтобы объединиться, - сказал Сонгцэн. - Поговоришь об этом с Алахчит?

Шаманы советовались между собой, но Сонгцэн считал, что Алахчит стоило знать о таких вещах раньше. Она была умной девушкой и знала, какой жизни хотела для своего народа. Её отец и брат, возможно, к этому времени добились бы большего, но именно шакалы не оставили им шансов проверить эту возможность.

Он подумал о том, что сейчас стоило позавтракать или выпить чаю, но Яшви сейчас было не до того. В её шатре он не знал, были ли какие-то продукты, а идти к эме самому считал невежливым.

Яшви Садхир

- Позже. Я хочу сначала поговорить с остальными шаманами. Даже если Алахчит прислушается ко мне, мы ничего не сможем изменить без остальных.

Видения можно было трактовать по-разному, часто исход зависел только от того, кто его трактует. И одно и то же увиденное все могли понять совершенно по-разному. Яшви была не очень опытной шаманкой, она только недавно вообще начала хоть как-то общаться с духами, и пусть ее способность развивалась достаточно быстро, потому что они никак не ограничивала ни себя, ни свои видения и трансы, Яшви все еще плохо понимала духов. Но, как оказалось, и даже умудренные годами боо и удган могли понять их неправильно. Яшви положила на слова почтенного Дорджсурена, безоговорочно поверив ему, но он ошибся.

Яшви думала, что если она убедит шаманов в своем видении этого видения, то гораздо проще будет призвать ханов к союзу, чем если Яшви будет пытаться склеить что-то без клея. Фигура во сне могла не быть великим ханом, скорее всего

ею и не была, это было олицетворение того или тех, у кого будет достаточно власти, чтобы подчинить себе кланы. И поэтому должны были пролиться реки крови.

- Но мне еще нужно подумать над этим. Я могу ошибаться, - она наконец выпрямилась, когда согрелась, затем повесила на очаг котелок и налила в него молока из ледника, а потом бросила в молоко заварку. - Принести воды с улицы? Тебе нужно смыть кровь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не могу лезть в политику лис, - сказал Сонгцэн. - Но я верю, что вам хватит сил, чтобы встать с колен.

Сейчас шакалы вели себя как хозяева. Гордые и вольные тибетские лисы молчали и сглаживали углы, чтобы выжить. И грех было их в этом винить. Но Сонгцэну было тяжело видеть близких Яшви в таком положении. Лисы были гордыми, они всегда оставались собой. И кто-то очень влиятельный мог принудить их к этому унижительному миру с шакалами.

- Лисы всегда могут рассчитывать на меня. И, если Алахчит сочтет нужным, я попрошу у отца отряд, - добавил он.

Военные другого клана сейчас могли лишь усилить напряженность, возникшую после схватки Сонгцэна с шакалом. Такие решения он не мог принимать сам, ему нужно было согласие от самих лис, чтобы не причинять им добро без их разрешения.

- Я сам могу сходить за водой, - ответил Сонгцэн. - Можешь сделать чай?

Яшви Садхир

Яшви не хотела тащить в эти проблемы Сонгцэна. Ей всегда было некомфортно, когда она принимала от него какую-то помощь, и, кажется сейчас ей было еще более неуютно от понимания, насколько сильно она от него зависит. И кобры и тигры были намного сильнее лис, но они не могли постоянно надеяться на помощь других кланов. Иногда гордость можно было переступить и задвинуть подальше, но она все равно будет постоянно напоминать о себе. Если бы не отряд тигров в прошлый раз, лисы из южного Алтая перестали бы существовать и не дожили до осени. Если бы Сонгцэн не приехал вчера, сегодня Яшви чувствовала бы себя еще паршивее.

- Это только накалит отношения между кланами, а кобры наживут врагов, - сказала Яшви. - Но я спрошу у нее.

У Алахчит и советников могли быть свои разумения, как сделать лучше, Яшви же просто не хватало знаний рассчитывать сложную стратегию и тактику. Наверное, поэтому она всегда проигрывала мастеру Раджу в го, потому что не могла просчитать свои действия наперед с наибольшей выгодой.

Яшви молча указала на котелок с кипящим молоком, когда Сонгцэн попросил приготовить чай, потому что именно этим она и занималась. И он вызывался сам сходить за водой, и она не стала настаивать. Ей чудилась между ними пропасть,

которую она не знала, как преодолеть.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн кивнул и отправился за водой. Ему не нужно было её согреть, чтобы омыться, потому что магия Огня позволяла не мерзнуть. Да и в гэре уже было тепло. Он принес ведро с холодной водой и взял полотенце.

- Непал слишком далеко, чтобы кобр пугала эта угроза, - сказал Сонгцэн, когда вернулся.

Он разделся до трусов и сложил свои вещи в сторону. Он заметил, что Алтан накануне принес его вещи в этот гэр. Сонгцэн намочил в воде полотенце, затем его намылил. Он тщательно умыл лицо и шею, затем стал стирать следы крови, грязи и пыли с груди, рук и спины. Он привык к большому комфорту, но при этом знал, что стоило довольствоваться тем, что есть. Ведра с холодной водой было достаточно, чтобы физически смыть последствия вчерашнего дня. На плече оставался лишь след от ссадины, ребра больше не болели.

- Тебе принести воду? - спросил Сонгцэн.

Он переоделся в брюки, тонкую рубашку и дэгэл, как обычно ходил в Монголии.

Яшви Садхир

Ей казалось, Сонгцэн не до конца понимает опасность таких противников, как шакалы. За ним стоял человек по имени Асака, о котором она уже была наслышана. Возможно, если кланы лис будут уничтожены, с ней вместе в том числе, как люди клана сурикатов, тогда принц Королевских Кобр задумается о том, что Непал гораздо ближе, чем может показаться. Но, каким бы сильным не было желание сказать об этом Сонгцэну вслух, Яшви промолчала, продолжая помешивать ложкой на длинной ручке кипящее молоко.

Как бы на ее месте поступила так обожаемая Сонгцэном Майя Тхакур? Хотя известно как, она выбрала смерть вместо того, чтобы стоять на коленях. Было, наверное, несправедливо сравнивать их ситуации, ведь на тот момент от решения принцессы вряд ли что-то зависело. От нее уже не зависели жизни тех, кого она любила, поэтому она могла уйти на своих условиях. Яшви была лишена даже этой роскоши, а потому подчинялась, чтобы сохранить этот худой мир, чтобы спасти Алтана, чтобы потом стоять в ледяной воде, дрожа до самых костей, и пытаться отмыть саму себя. Она не имела права умереть и оставить свой клан решать свалившиеся на них проблемы. Майя Тхакур уже давно ушла, а Яшви все еще цеплялась за ее призрачный и оставшийся в ее собственной памяти образ, как какое-то божество, приблизить к идеалу которого она никогда не сможет.

- Не нужно. Я сегодня уже купалась, - ответила Яшви, подавив желание отшвырнуть от себя ложку. Она сама себя загоняла в ловушку, из которой не могла вырваться.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн подошел к Яшви, когда она сказала, что ей не нужно приносить воду. Он

заметил, что она злилась, хотя не знал, что с этим делать. Он подошел к девушке и обнял её со спины за плечи, затем коснулся губами её виска.

- Яшви, - негромко сказал он. - Я ни за что на тебя не злюсь и очень за тебя боюсь. Чем я могу тебе помочь?

Молоко на огне быстро согревалось и покрывалось кипящей пенкой. За ним было спокойнее следить, чем за тем, как отреагирует Яшви, хотя сбежавшее молоко надолго наполнит гэр неприятным запахом гари. Этот запах будет куда меньшим злом, чем вчерашний шакал.

Сонгцэн чувствовал, что между ними с Яшви появилась пропасть. И что она боялась сделать шаг навстречу. Только он не мог понять, почему: из-за того, что сейчас не хотела доверять никому из мужчин, в том числе ему, или из-за того, что не хотела приближаться, боясь того, что сам Сонгцэн в чем-то захочет её обвинить.

Яшви Садхир

Яшви не ожидала, что Сонгцэн подойдет к ней и тем более обнимет. Она напряглась, а затем вздрогнула, почувствовав касание его губ на своем виске, но в голову тут же ворвались воспоминания, еще слишком свежие и все еще болезненно ноющие, об укусе в шею, след от которого она старалась прятать в воротнике дэгэла. Она чувствовала себя какой-то клейменной, как клеймят чистопородных животных, которые принадлежат своему хозяину.

Она смотрела на кипевшее молоко, которое из-за заварки уже приняло приятный топлёный цвет, и на пенку, которая вот-вот могла убежать из котелка над огнем. Яшви переставила котелок с огня на столик возле очага, чтобы молоко не убежало. Даже сейчас, когда внутри у нее был полный хаос, она продолжала приземленно думать о быте: о том, чтобы у нее не убежало молоко, потому что оно пригорит к котелку, его придется отскребать, а чай будет испорчен, и нужно будет начинать его сначала.

- Я чувствую себя виноватой, - Яшви снова ощутила подступающий в горлу тугой комок, но глаза оставались сухими. Она не помнила, чтобы когда-нибудь плакала перед принцем. - Что не нашла другого решения. Что это случилось со мной. Я могла бы попробовать дотянуться до его кинжала, но я испугалась, что сделаю только хуже. Я должна думать о других, я должна заботиться о них сейчас, когда всем так сложно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Ты не в чем не виновата, - ответил Сонгцэн. - Алтан выжил, ты выжила.

Шакал добился бы своего, если бы Сонгцэн приехал позже. И этому шакалу было нужно только то, чтобы почувствовать, что он здесь решает все, что захочет. Что лисы готовы ему подчиняться. Что правосудие не для него.

- Я выжил, - чуть подумав, добавил Сонгцэн, обнимая Яшви за талию. - Нас вынудили поступать именно так. Это повод доверять друг другу больше, а не меньше, тебе не кажется?

Чай стал светло-бежевым. Яшви сняла его с огня. Гэр наполнился теплым маслянистым ароматом. Сонгцэн был воспитан не в тех условиях, чтобы считать признаком домашнего уюта жену, которая готовит чай. Его мать скорее приготовила бы химическое оружие, чем что-то съедобное, его отец не смел требовать иного. А в кланах или в Линь Ян Шо готовили те, кто умел это делать. Но сейчас это было большим, чем просто чай.

Яшви Садхир

Яшви это понимала. Из страха за Алтана ее страх превратился в страх за себя, но почти тут же - в страх за Сонгцэна, которому выпало защищать ее честь. Но в итоге все остались живы, кроме шакала, который теперь кормил птиц за пределами поселка, Яшви на это очень надеялась. Она не желала ему смерти, она просто хотела, чтобы те, кто ей дороги, были в целостности и сохранности. И если для этого нужно было шакалу умереть - значит, так тому и суждено было случиться. Но от мысли, что он мертв, ей становилось все же немного спокойнее.

Она хотела сказать, что доверяет, но слова застряли, потому что сейчас это было бы неправдой. Если бы она доверяла так безоговорочно, как хотела в этом убедить Сонгцэна, стала бы она сомневаться в том, что его отношений к ней не поменяется несмотря ни на что? Ведь она боялась его осуждения или презрения, значит, допускала мысль, что случившееся подорвет его доверие, а потому избегала разговора, сама боясь ему довериться.

- Я снова чувствую себя так, будто меня продали, - призналась она. - Что я не достойна даже касаться тебя. Как в бесконечном чаупади.

Корова, надевшая седло, не превратится в породистого скакуна. Деревенская девочка, проданная на рынке, не станет принцессой, даже надев на себя тысячу украшений.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн провел ладонью по спине Яшви, затем коснулся губами её волос. Он внимательно слушал то, о чем она говорила. Это было важно: пусть он считал, что она не права, Яшви говорила о том, что сейчас чувствовала. А это сплеталось из её воспитания и личных ощущений.

- Ты - моя жена, и можешь касаться меня как и прежде, - сказал Сонгцэн. - Никакой подонок, считающий, что может осквернить тебя, принудив к близости, не в силах отнять у тебя это право. Я верю в твою любовь ко мне, - он коснулся ладонью груди Яшви напротив сердечной чакры. - И ты верь в то, что я люблю тебя. Человек больше, чем тело, в котором он живет. Тебе больно из-за того, что случилось. Но передо мной ты чиста. Ты позволишь мне тебя касаться?

Он понимал, что ей могло быть это неприятно. Потому что он тоже был мужчиной, как тот шакал, который возомнил о себе невесть что. Он боялся за Яшви. Ему было неприятно, что она его избегала.

Яшви Садхир

Яшви было непросто убедить себя в том, что она действительно не виновата. Она хотела храбриться и думать, что поступила так, как было нужно и правильно в той ситуации, но внутри все равно продолжала глодать себя за неспособность выкрутиться с наименьшими потерями для жизни Алтана и своей гордости, на которую пришелся основной удар. Она не думала, что это так ее зацепит, но снова чувствовать себя вещью, которая принадлежит кому-то другому, и он может делать все, что ему вздумается, было неприятно.

- Я боялась, что ты отвернешься, - с отчаянием прошептала она. Яшви была воспитана в строгих непальских традициях. Жизнь с лисами ее несколько раскрепостила, но лишь настолько, чтобы не избегать прикосновений мужа и не бояться открыто демонстрировать свои чувства, будучи с ним наедине. Но в остальном она привыкла опираться на принципы, вбиваемые в нее с самого детства. Причем нередко вбиваемые в буквальном смысле этого слова. Нет ничего хуже, чем быть опороченной женщиной, причем виновата всегда оказалась именно она. Так откуда ей было взять другие представления о том, что все может быть по-другому.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Не отвернусь, - ответил Сонгцэн и крепче обнял Яшви.

Он прекрасно понимал, что в том же Непале практически все скажут, что виновата женщина. Если не в момент нападения, то тогда, когда позволила обратить на себя внимание. И что он считал бы также, если бы в его воспитании не смешалось слишком много традиций разных стран, а родители и мастер Радж не приучали бы его думать своей головой. Обвинение жертвы опасно не только и не столько тем, что оно почти всегда несправедливо. Оно искажает картину реальности, заставляя верить в то, что более слабый может влиять на поведение более сильного. А это слишком опасное заблуждение.

- У нас с тобой одна судьба, как я могу обвинять тебя в том, в чем нет твоей вины? Я могу только сделать все, что зависит от меня, чтобы тебя защитить, - продолжил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви немного помедлила, но все же прижалась к щеке Сонгцэна лбом, прикрыв глаза. Все ее страхи, что он оставит ее, отвернется, в первую очередь обвинит в неверности, распущенности и порочности, потеряет доверие, были развенчаны. При том Яшви не думала о том, как эту ситуацию воспринимают другие лисы, Их-Чэрэн и Чаалун. Ее волновало только то, что о ней подумает Сонгцэн. У нее не было никого ближе него, и это был длинный и сложный путь от момента, когда они только встретились, до сегодняшнего дня, который проверял их отношения на прочность. Было нечестно даже мысленно обвинять Сонгэна в одержимой влюбленности в принцессу сурикатов, даже если это до сих пор ее задевало. Яшви и сама понимала нелогичность своей затаенной обиды. Она устыдилась, что вообще вспомнила о ней.

- Мы все в опасности до тех пор, пока ситуация с шакалами не разъяснится, -

добавила она. Это тоже ее пугало, неизвестность своего будущего, когда все может обернуться настоящей катастрофой. Лисы держались на плаву, но не за горами был тот день, когда они могут пойти ко дну.

- Я рада, что ты приехал, но боюсь за тебя, - сказала Яшви. - Будет слишком много желающих тебе навредить.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн провел рукой по спине Яшви, затем погладил её по волосам. Он считал, что она поверила его словам и теперь не боялась, что он от неё отвернется.

- Я не уеду, пока ты здесь, - сказал Сонгцэн. - А ты не уедешь, потому что нужна лисам как никогда. Предлагаю принять это как данность и думать о том, что мы можем сделать.

Он прекрасно понимал, что вчерашний поединок разозлил шакалов, и что теперь у него было много врагов. Они бы сидели тихо, если бы в Монголии Кобры имели бы больше влияния, но сейчас можно было ожидать провокаций. Сонгцэн хотел поговорить с Их-Чэрэном и Алахчит, чтобы понять, что планировали лисы. Сейчас все должны были действовать сообща.

- Может быть, отослать пока Алтана в Покхару или в Линь Ян Шо? - предложил Сонгцэн. - У шакалов есть повод снова ему угрожать?

Яшви Садхир

Яшви стало немного легче, когда она поняла, что не останется одна, что Сонгцэн от нее не отвернется. Чувство неправильности произошедшего никуда не делось, но она хотя бы не будет тащить все это в одиночку, как привыкла. Она ценила это.

- Я думала об этом, - призналась Яшви. - Я не знаю, чего ждать от шакалов. До шестнадцати лет, пока он не получает право держать оружие, он считается ребенком, а законы запрещают трогать детей. Но шакалы сейчас чувствуют безнаказанность. Алтан знает только монгол хэл и не сможет добраться туда самостоятельно, а я не могу сейчас покинуть клан, чтобы его отвезти. К тому же не думаю, что он согласится. Он - единственный молодой мужчина в семье, Их-Чэрэн и Чаалун не в том возрасте, чтобы справляться с бытом, Номинжин возится с детьми. На нем все держится.

Это не говоря уж о том, что для монгольского мужчины гордость значит намного больше, чем может значить женщине, даже если этому мужчине сейчас всего тринадцать лет и он склонен совершать ошибки. Пока здесь был Сонгцэн, большая часть традиционно мужской работы могла лечь на него

- Возможно, если бы мы убедили его, что он едет учиться, он бы и согласился, но он итак стыдится того, что вчера убежал. Он будет считать себя трусом, если мы его увезем.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Здесь останусь я и буду помогать Их-Чэрэну и эме по мере сил, - ответил Сонгцэн.

Он считал, что от него будет не меньше пользы, чем от подростка, и в Линь Ян Шо он был приучен работать. Сонгцэн понимал, что не будет сидеть тут иностранным принцем на всем готовом, когда у лис и без него много хлопот.

- Мы можем отправить его с письмом, пусть считает, что выполняет ответственное поручение, - предложил Сонгцэн. - Если Алахчит согласится на подкрепление, я напишу отцу о том, что нужен отряд. Такое письмо лучше передать лично.

Он понимал, что Алтану будет неприятно считать, что его просто отослали от греха подальше. Он и так винил себя в произошедшем. Но ситуацию можно было исправить, если мальчишка будет считать, что сделал что-то важное и полезное. А в письме можно будет попросить родителей о том, чтобы задержали Алтана в Непале. Например, заняли его тренировками.

Яшви Садхир

Яшви не могла не согласиться с мыслью, что ей стало бы спокойнее, если бы Алтан был в безопасности в Линь Ян Шо или в клане Кобр, хотя бы на то время, пока все не успокоится. Потому что шакалы не упустят возможность с ним покончить, как и с Сонгцэном, свалив на них ответственность за смерть своего командира. Даже если он и был порядочной сволочью. Но Сонгцэн был воином и мог постоять за себя, в чем Яшви уже убедилась, и не раз, в отличие от тринадцатилетнего мальчишки.

- Ты можешь пойти со мной к Алахчит и спросить ее об этом, - предложила Яшви. Она считала, что такие вещи не может предлагать через голову принца, тем более, что окончательное решение было за Его Высочеством принцем Кэйлашем и Его Величеством. Им от союза с одним крохотным кланом лис было ни горячо, ни холодно, только одни проблемы. Они могли счесть просьбу Сонгцэна невыполнимой

- Ты думаешь, его Высочество согласится прислать отряд кобр? Мне кажется, им не нравится, когда ты покидаешь резиденцию ради чужого клана, и твои поездки им и его Величеству что кость в горле.

Сурикаты и рыси были хотя бы богаты, у них были воины, на помощь которых можно было рассчитывать в случае чего. От той же торговли была выгода. У Лис же не было ничего сейчас, тридцать человек стариков и детей, а сам клан на пороге войны.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я готов пойти к ней, - ответил Сонгцэн.

Его отец и дед были не в восторге от его поездок в Монголию, и нужно было найти аргументы, чтобы просить сейчас отряд. За подкреплением можно было обратиться и к Тиграм через мать, но это стало бы еще более сложной задачей. Они не пошлют людей под предлогом, что они нужны для обороны принца. Потому что какого черта ты, принц, там сидишь, если там опасно. Нужно было найти другие аргументы, но Сонгцэн считал, что справится с этой задачей. Ему нужно было согласие Алахчит на такие меры.

- Ты - моя жена. Значит, твой клан мне не чужой, - сказал Сонгцэн. - Я найду способ убедить Кобр или Тигров в необходимости прислать людей. Мои поступки не обязаны нравиться его Величеству, ему достаточно, чтобы я справлялся со своими обязательствами.

Он считал, что его семью устроит вариант, при котором вместо того, чтобы слепо подчиняться указаниям старших, он будет находить компромиссы, которые устроят всех. Ему предстояло когда-нибудь возглавить клан, а не стать послушным исполнителем.

Яшви Садхир

Яшви была настроена не столь оптимистично, но решила не спорить, потому что никто не запрещал попробовать, а потом уже решать, что делать дальше, если ответ его Величества будет отрицательным. Яшви старалась не возлагать сильных надежд, чтобы потом не расстраиваться, если что-то пойдет не так, она предпочитала найти решение без посторонней помощи, чтобы был запасной вариант. Если отряд кобр все же доберется до Монголии, это будет значительной поддержкой, но Яшви не была сильна в политике, и не знала, какие последствия это может на самом деле повлечь за собой. Но вряд ли отряд кобр утихомирит разошедшихся шакалов, скорее, это только подольет масла в огонь.

- Давай сначала позавтракаем, а потом пойду и поговорю с кем-то из шаманов? - предложила она. - Я все равно расскажу Алахчит, но хочу сначала услышать мнение шаманов. Они смогут повлиять на решения остальных ханов.

Их-Чэрэн рассказал ей историю лис, еще когда она только с ними познакомилась и впервые ехала в Алтай. Вначале это был один большой клан, и у Великого Хана было шесть сыновей. Но после смерти хана они не смогли определиться, кто станет следующим Великим Ханом, поэтому клан распался на несколько частей, и все они разошлись по Монголии, лишь изредка пересекаясь на советах. Это было в те времена, когда Хубилай хаан был еще совсем маленьким, потом он занял место своего отца, а теперь ханом стала Алахчит. Яшви надеялась, что общая угроза снова сплотит всех лис.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Во время прошлой стычки с шакалами лис спасло подкрепление из Белых Тигров. Сонгцэн не знал, о чем шли переговоры с Ляном Бу, и он был почти уверен, что подкрепление прислали по настоянию матери и ради Яшви, но у лис были причины просить о помощи непальский клан. Об этих причинах нужно было узнать больше, это могло стать аргументом и для Кобр.

Сонгцэн считал, что очень важно реально оценивать свои силы. Не бежать с шашкой наголо на более сильного противника. Смотреть, считать и думать. Тогда даже сложная ситуация могла оказаться не безвыходной, просто там, где не помогает сила, может помочь хитрость. Но глупо было пренебрегать возможностью укрепить силы, если для этого стоило написать одно правильное письмо, дав повод Алтану уехать в Покхару.

- Как скажешь, - согласился Сонгцэн. - Сейчас плохое время для поспешных

решений.
